

4. Там же. 1997. № 5. Ст. 610.

5. Клюкин Б. Многообразие форм собственности на природные объекты // Право и экономика. 1998. № 1. С. 40.

6. Сосна С. А. О концепции общественного достояния // Государство и право. 1996. № 2. С. 61.

*Людмила Михайловна ВОЛОДИНА —
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического
факультета, кандидат юридических наук*

УДК 343.123.5; 443.123.6

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы защиты прав личности в сфере уголовного судопроизводства, дается сравнительный анализ законодательства и проектов УПК Российской Федерации.

The article deals with the problems of personality rights defence in the criminal judicature. Comparative analysis of legislation and projects in Criminal Law of RF is given.

Проблема соотношения частного и публичного в уголовном процессе не нова. В свое время И. Я. Фойницкий, говоря о достоинствах французского института прокуратуры, принятого «повсеместно в континентальной Европе», утверждал, что «во французской постановке должностного обвинения есть и сторона весьма отрицательная — ее монопольное положение», устраняющее право граждан обращаться к уголовному суду: «Монополия прокуратуры, устраняя его, является величайшим злом. Невозможно предоставить дело уголовного обвинения даже по публичным преступлениям исключительно в руки прокуратуры, потому что как орган правительственный она не в состоянии выступать равным образом по всем преступлениям; со стороны ее неизбежно окажутся слабость действия и снисходительность относительно таких преступных деяний, как посягательства чиновников против свободы слова, союзов, собраний и др., когда они могут думать, что энергия преследования не вполне желательна для правительства, их назначившего. Необходимо кроме прокуратуры предоставить доступ к уголовному суду и частным лицам» [1], «полное устранение от уголовного преследования частных лиц, потерпевших от наказуемых деяний, неполитично и несправедливо», хотя, с другой стороны, «далеко не по каждому уголовному делу может найтись потерпевший, способный возбудить уголовное преследование и вести его перед судом» [2].

В соответствии со ст. 52 Конституции РФ «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». По действующему уголовно-процессуальному законодательству реализация прав потерпевшего возможна с момента признания его таковым специальным решением в форме постановления органа дознания, следова-

теля, прокурора, судьи либо определением суда. Между тем известно, что на практике существует немало проблем, связанных с реализацией прав потерпевшего. Прежде всего практика свидетельствует о том, что лицо нередко признается потерпевшим лишь к окончанию предварительного расследования по уголовному делу, вследствие чего оно лишается реальной возможности в полной мере реализовать права, предоставляемые ему ст. 53 УПК. Более того, статус потерпевшего в уголовном процессе не обеспечен сколь-нибудь действенным механизмом защиты. Много говорится о защите прав потерпевшего, о необходимости расширения его прав, но законодатель не очень прислушивается к предложениям, направленным на улучшение ситуации.

Переход России к новым экономическим и социальным отношениям открывает возможности для регулирования общественных отношений на основе признанных во всем цивилизованном мире принципов независимости и автономии личности, свободы ее интересов. Вместе с тем достаточно хорошо известно, что уголовное судопроизводство не может быть основано на частном начале, поскольку преступление всегда затрагивает публичные, общественные интересы: преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. В отличие от гражданского судопроизводства, где стороны действуют в условиях диспозитивности, безусловной состязательности, в уголовном процессе существует официальное, государственное начало. «Это публичное, государственное начало в уголовном процессе иногда так сильно подчеркивалось в истории, что самое понятие о сторонах, равноправных и самостоятельных, исчезало окончательно, и суд, помимо присущих ему функций, принимал на себя также функции обвинителя и защитника... Смешение процессуальных функций было полное, принцип разделения труда не имел никакого применения. Такой судебный порядок называется следственным или розыскным» [3]. Печально осознавать, что эти слова, направленные в прошлое, вполне применимы к сегодняшней характеристике российского уголовного процесса. Сколько бы ни говорилось прекрасноречивых слов о состязательности уголовного судопроизводства, основанного на равенстве сторон, о беспристрастности судей — все это остается пока лишь добрым пожеланием на будущее.

Сложность ситуации понятна и объяснима. С одной стороны, суд как неотъемлемый элемент государственной власти призван охранять общественный интерес, интересы государства, поддерживая дозволенными ему способами законность и правопорядок в обществе, с другой стороны, он должен в силу конституционных предписаний защищать частный интерес, права и свободы личности. Когда речь заходит о защите прав и свобод абстрактной личности, и национальное законодательство, и международные правовые документы в большей степени обращают внимание на необходимость усиления гарантий обеспечения прав лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступления. Это для них сформулирован и действует принцип презумпции невиновности, закреплена система гарантий, обеспечивающих право на защиту от предъявленного обвинения, в том числе, как справедливо замечает Б. Ф. Тимошенко, право на бесплатные услуги адвоката, а между тем жертва преступления отодвинута на второй план; не предусмотрен учет потерпевших от преступления; в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод нет ни одного раздела, посвященного институту потерпевшего вообще, и в уголовном судопроизводстве в частности [4]. Вопросы этого порядка должны найти скорейшее решение, целью дея-

тельности правоохранительных структур государства должна быть реальная защита прав личности, ввергнутой в силу обстоятельств в сферу уголовной юрисдикции.

Попытки решения означенной проблемы предпринимаются. Существует немало конкретных предложений, направленных на изменение статуса потерпевшего путем расширения его прав и введения гарантий, обеспечивающих безопасность потерпевшего и его близких.

Частное начало в праве как согласование воли без вмешательства государства существовало всегда. Более того, право изначально развивалось как частное. Публичное право появляется с развитием общества. Нормы, исходящие от государства, имеющие общеобязательную силу для гражданского общества, определяют его границы, направление движения, рамки развития его институтов. В обществе, где нормативное регулирование разумно сочетает в себе частное и публичное начало, наиболее полно защищена сфера частных интересов. В России построение уголовного судопроизводства и состояние правоприменительной практики всегда было ориентировано на удовлетворение государственно-политических интересов. Действующий и ныне принцип публичности обязывает государственные правоохранительные органы реагировать на каждый случай преступления возбуждением уголовного дела. Стержень принципа публичности в его традиционном понимании, как справедливо заметил В. С. Шадрин, — пронизывающее весь существующий российский уголовный процесс требование неотвратимости уголовной ответственности [5].

Компромиссным вариантом разрешения соотношения публичного и частного в уголовном процессе является действие в нем института частного обвинения.

Из общего правила, в соответствии с которым уголовное преследование есть деятельность компетентных органов государства, наделенных государственно-властными полномочиями, существует исключение. В силу действующего законодательства (ст. 27 УПК РСФСР) ряд составов преступлений отнесен к так называемым делам частного и частно-публичного обвинения. Сущность рассматриваемого института заключается в предоставлении частным лицам в полном объеме функции уголовного преследования по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, 129 частью первой и 130 УК РФ, а по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 частью первой, 146 частью первой и 147 частью первой УК РФ, ограничивает названное право частных лиц допущением возбуждения этих дел по жалобе потерпевшего. Вместе с тем, если дело о каком-либо преступлении, предусмотренном перечисленными статьями, имеет особое общественное значение или если потерпевший по этому делу не в состоянии защитить свои права и законные интересы, вновь начинает действовать публичное начало: прокурор вправе возбудить такое дело и при отсутствии жалобы потерпевшего.

В теории уголовного процесса давно дискутируется вопрос о необходимости расширения перечня составов преступлений, относимых как к категории дел частного, так и частно-публичного обвинения. Отражением дискуссии являются предложения по означенному вопросу в существующих проектах УПК РФ. Так, в проекте Минюста 1994 года предлагалось увеличить количество составов по делам частного обвинения до шести; по делам частно-публичного обвинения — до 35 составов преступлений. Проект, подготовленный рабочей группой в составе известнейших ученых страны, созданной в Государственно-правовом управлении Президента Российской Федерации, к категории дел частно-публичного обвинения относит более

40 составов преступлений. Кроме того, проект предлагает введение института отказа от осуществления уголовного преследования в случае примирения потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым и отказа частного обвинителя от обвинения по делам о преступлениях, отнесенных к категории частно-публичных, а также еще ряда составов (всего чуть более 10).

Последнее предложение было воспринято ныне действующим законодательством в виде нормы, регламентирующей прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Следует заметить при этом, что традиционный институт, известный англо-саксонской правовой системе, претерпел в нашем законодательстве некоторые изменения и, к сожалению, не обрел достаточно четких форм. Механизм применения ст. 9 УПК не вполне ясен. Известно, что уголовно-процессуальное право устанавливает порядок (процедуру) производства по делу, между тем ст. 9 УПК, повторяя норму материального права (ст. 76 УК РФ), не определяет условия, сроки, порядок прекращения дела, порядок уведомления заинтересованных в исходе дела лиц. Не регламентирована уголовно-процессуальным законом и процедура примирения сторон. В литературе есть предложения относительно процедуры примирительного производства по уголовному делу как одной из дифференцированных форм уголовного судопроизводства [6]. Автор этого предложения, по сути, смешивает два самостоятельных, действующих в странах с англо-саксонской правовой системой института: практику договоренности о признании вины (сделки) и института примирения сторон, предлагая своеобразную процедуру примирения сторон на основе соглашения (сделки) о признании вины. Конечным результатом предлагаемой процедуры, по мысли автора, является соглашение о признании вины и примирении, подписываемое прокурором, потерпевшим, защитником, обвиняемым (подсудимым) и их представителями.

Предложение само по себе достаточно интересно, однако требует размышления.

Практика признания вины, именуемая нередко «сделкой о признании вины», широко распространена в федеральной системе и в системах штатов США. Отношение к ней неоднозначно. Национальная консультативная комиссия по разработке стандартов и целей правосудия, действующая в США, оценив практику подобного рода сделок как противоречащую закону и нормам нравственности, рекомендовала исключить ее. Одновременно другие специалисты настаивают на признании ее и закреплении в виде твердых процессуальных правил [7]. В России появилось немало сторонников внедрения подобного рода практики в наше уголовное судопроизводство. Но, как замечательно советует профессор права Сент-Луисского университета США Стивен Тейман, с большим вниманием наблюдающий за ходом наших реформ и опубликовавший свою статью в «Российской юстиции», «чтобы сделать правильный выбор, надо, естественно, посмотреть, как идут дела у соседей». Он также утверждает, что многие к этой практике относятся отрицательно. «Так, использование угрозы сурового наказания или обмана в переговорах о признании вины немецкими авторами сравнивается с использованием этих же способов во время допроса подозреваемых в предварительном следствии, что запрещено ст. 136-а УПК Германии. А известный американский историк уголовного права Джон Лангбейм, — пишет далее автор статьи, — считает, что сделки о признании вины заменили собой пытку как способ принудить подозреваемого к самоговору» [8]. Замечание более чем настораживающее, особенно если учитывать не столь демократические традиции российского судопроизводства, совсем недавно отряхнувшего с

себя последствия «культы» и пытающегося в ходе мучительно медленных реформ уйти от периода тоталитаризма. Вместе с тем, почему бы не последовать доброму совету и не «заглянуть к соседям»?

Основные положения практики признания вины, несмотря на отдельные отличия ее применения во всех пятидесяти штатах, в целом сходны с практикой федеральной системы. Прежде всего через соглашение о признании вины обвинение и защита приходят к согласию о разрешении дела, включая пункты обвинения, по которым обвиняемый признает себя виновным. Во-вторых, результатом соглашения могут стать взаимные уступки, что, собственно, и позволяет называть практику признания вины сделкой. В-третьих, в некоторых случаях прокурор и обвиняемый приходят к соглашению не только по пунктам обвинения, но и о мере наказания, штрафе, по другим вопросам. В-четвертых, соглашаясь на участие в сделке о признании вины, обвиняемый отказывается от некоторых конституционных и процессуальных (процедурных) прав. Самое главное, он отказывается от права на суд присяжных. Наконец, соглашение о признании вины устраняет любые споры между обвинением и защитой касательно вины обвиняемого. Соглашение попросту заменяет вердикт присяжных о виновности лица. В федеральной системе более 90% уголовных дел разрешается с помощью соглашений [9].

Практика подобного рода соглашений, являясь одной из форм упрощенного судопроизводства, дает возможность экономии процессуальных средств. С другой стороны, это позволяет сосредоточить максимум внимания и средств для наиболее сложных дел, когда обвинение и защита не могут разрешить спор с помощью сделки. Но какова роль потерпевшего в рассматриваемой ситуации? В соответствии с правилами, действующими в федеральной системе, до начала обсуждения соглашения прокурор объясняет потерпевшему сильные и слабые стороны уголовного дела, прогнозирует ход судебного процесса, его сроки, судебные издержки. Потерпевший не принимает окончательного решения, но по общему правилу прокурор учитывает желание потерпевшего. Соглашения о признании вины оформляются документом, рассматриваемым как контракт, но могут быть и устными.

Поведение обвиняемого и стороны обвинения во время обсуждения соглашения о признании вины регулируется правилом 11 (пункт «е») Федеральных уголовно-процессуальных правил. Согласно этим правилам, а также Федеральным правилам по использованию показаний, если договоренность не достигнута, обвинение не может использовать на процессе заявления обвиняемого, которые были сделаны им во время обсуждения соглашения о признании вины.

Для вступления соглашения в силу оно должно быть представлено судье и одобрено судьей в открытом заседании. Судья при этом обязан убедиться, что признание вины сделано обвиняемым добровольно, что обвиняемый, отказываясь от некоторых процессуальных прав, действовал «разумно и сознательно» [10].

Анализ действующих правил, таким образом, дает основание утверждать, что практика соглашения о признании вины не предполагает одновременного примирения сторон. По сути это совершенно различные институты.

Институт примирения сторон, предусмотренный, например, правилами Верховного суда Соединенных Штатов Америки, принятыми 5 декабря 1989 года (вступивших в силу с 1 января 1990 года), закрепляет специальную процедуру примирения сторон. Статья 46 правил устанавливает: «В тех случаях, когда стороны на любой стадии судебного разбирательства вручают клерку соглашение в письменной форме о примирении, в том числе и о

судьбе судебных издержек, клерк без совещания суда выдает приказ, подтверждающий примирение». Процедура примирения по действующим правилам достаточно проста. Ходатай о выдаче приказа об истребовании дела, апеллант в данном суде могут подать заявление о примирении и должны при этом дать клерку гарантию об оплате необходимых судебных расходов. Противная сторона может в течение 15 дней после получения этого заявления подать возражение [11].

Широко обсуждаемый ныне проект УПК РФ, одобренный Государственной думой в первом чтении, относит дела о преступлениях, предусмотренных статьями 131 частью первой, 146 частью первой и 147 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, к категории дел частного обвинения и, определяя подсудность мирового судьи, относит к его ведению дела частного обвинения о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, 129 частью первой и статьей 130 Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторы проекта не пошли на расширение круга дел частного и частного-публичного обвинения.

Вопрос о признании права частных лиц в обвинительной деятельности не прост. Существует определенная опасность злоупотреблений со стороны частного обвинителя. Еще И. Я. Фойницкий, обращая внимание на эту сторону дела, писал: «Возможность злоупотребления правом уголовного обвинения настолько реальна и значительна, что против нее необходимы серьезные меры; а между тем одни из этих мер (установление тяжелой ответственности за злоупотребление правом обвинения) нежелательны, так как могли бы парализовать само право обвинения, вызывая страх обращаться к нему, другие еще не выработаны» [12]. Опасение достаточно серьезное.

Другой аспект проблемы заключается в том, что вторжение в публичное начало уголовного процесса может привести к незащищенности потерпевших в случаях применения к ним угроз, шантажа, обмана. Эта опасность не менее велика. Вместе с тем справедливо замечено, пишет В. С. Шадрин, что в уголовном процессе в ряде случаев охраняемый законом личный интерес оказывается дороже даже такой важной социальной ценности, как обнаружение истины [13].

Есть и еще одна сторона проблемы. Частное обвинение в государствах континентальной Европы, где существует романо-германская правовая система, допускается в весьма ограниченных пределах, в отличие от государств англо-саксонской правовой семьи. Не всегда оправданное заимствование и некорректное использование отдельных положений законодательства этих государств в условиях нашей правовой действительности привело к резкому неприятию и недооценке возможностей взаимовлияния и взаимодействия двух правовых систем. Этим, вероятно, объясняется отказ авторов последнего проекта расширить круг составов преступлений, по которым возможно допустить частное либо частно-публичное уголовное преследование.

Ныне действующее российское законодательство практически допускает все три названные формы: частное обвинение, частно-публичное обвинение и отказ государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения. Последняя ситуация, правда, нетрадиционна, и законодатель не оговаривает ее как одну из форм частного уголовного преследования. Не известен нашему законодательству и институт частного обвинителя, если не считать оговорки, содержащейся в ст. 295 УПК, о

том, что по делам частного обвинения в судебных прениях участвуют потерпевший и его представители.

Представляется достаточно интересным предложение авторов общей части проекта УПК, подготовленного в Государственно-правовом управлении Президента РФ, во-первых, о расширении прав потерпевшего с включением в их перечень права в любой момент до начала судебного следствия требовать признания его частным обвинителем и, во-вторых, о регламентации статуса частного обвинителя. Но следует заметить, что ст. 75 рассматриваемого проекта, к сожалению грешит некоторой непродуманностью формулировок, «заимствованиями» отдельных положений из законодательства стран с англо-саксонской правовой системой, чужеродных по своей природе российскому законодательству.

Проект УПК РФ, принятый в первом чтении в Государственной думе, также предлагает включить в число участников уголовного процесса частного обвинителя и закрепить его правовое положение, в соответствии с которым «частным обвинителем является лицо, подавшее жалобу в суд по делу частного обвинения... и поддерживающее обвинение в суде, а также потерпевший по делам частного и частно-публичного обвинения, самостоятельно поддерживающий обвинение в суде в случае отказа государственного обвинителя от обвинения» [14]. Совершенно очевидно, что приведенное положение рассматриваемого проекта дает узкое определение частного обвинителя и не направлено на сколь-нибудь кардинальное изменение положения потерпевшего в российском уголовном процессе. Правда, ст. 287 проекта предлагает правило, в соответствии с которым, если в случае отказа прокурора от обвинения, потерпевший настаивает на обвинении, прокурор освобождается от дальнейшего участия в процессе, а обвинение поддерживает потерпевший лично или через своего представителя. По ходатайству потерпевшего ему должно быть предоставлено время для приглашения представителя [15]. Безусловно, предлагаемое решение является достаточно интересным с точки зрения гарантий прав потерпевшего, но продуктивность его будет весьма мала без комплексного разрешения вопроса о статусе частного обвинителя.

Предложение о включении в число участников уголовного процесса частного обвинителя, содержащееся в проекте УПК, прошедшем первое чтение в Государственной думе, кроме того, вызывает некоторое замешательство: частный обвинитель наделяется правами, предусмотренными ст. 287 проекта, которая определяет участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве, правила его замены, полномочия в суде, основания отказа от обвинения, последствия этого отказа. Лишь в конце части 7 названной статьи говорится о том, что в случае отказа прокурора от обвинения и освобождения его от дальнейшего участия в процессе обвинение поддерживает потерпевший, лично или через своего представителя. Предполагается также участие частного обвинителя по делам, подсудным мировому судье.

Представляется, что подобная регламентация правового положения частного обвинителя в уголовном процессе недостаточно последовательна, только четкое законодательное определение его статуса даст реальную возможность потерпевшему (его представителю) отстаивать свои интересы при производстве по уголовному делу на всех стадиях процесса.

В качестве оптимального решения означенной проблемы может быть предложено следующее определение процессуального положения частного обвинителя: «Частным обвинителем является лицо, заявившее ходатайство о возбуждении производства по делу либо подавшее жалобу об уголовном преследовании определенного лица, признанное потерпевшим в установленном законом порядке. В случае несовершеннолетия или недееспособности потерпевшего, а также в случае его гибели частным обвинителем считается его законный представитель или правопреемник потерпевшего, заявившие соответствующее ходатайство. Обязанность разъяснить право заявления ходатайств возлагается на органы дознания, следователя, прокурора, судью.

Частный обвинитель обладает правами потерпевшего и несет на себе его обязанности. Кроме того, он вправе осуществлять частное расследование, представлять его материалы в суд, продолжать уголовное преследование в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения, отказаться от обвинения, выражать протест против незаконных действий другой стороны, выступать в судебных прениях, иметь право реплики.

Частный обвинитель имеет возможность пользоваться принадлежащими ему правами и выполнять свои обязанности через представителя.

Ходатайство о допуске потерпевшего к участию в деле в качестве частного обвинителя возможно до окончания судебного следствия».

Одновременно следует расширить перечень уголовных дел частного-публичного обвинения, отнеся к ним преступления, впервые совершенные по неосторожности, если они не повлекли за собой тяжких последствий, а санкция статьи УК РФ не предусматривает в качестве наказания лишение свободы либо допускает этот вид наказания на срок не свыше одного года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Изд. АЛЬФА, Т. 2. С. 26.
2. Фойницкий И. Я. Указ. работа. С. 73.
3. Фойницкий И. Я. Указ. работа. Т. 2. С. 26.
4. Тимошенко Б. Ф. Защита потерпевшего в уголовном судопроизводстве и права человека // Прокурорская и следственная практика. 1997. № 1. С. 85 - 86.
5. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Госуд. и право. 1994. № 4. С. 97.
6. Рустамов Х. Ц. Уголовный процесс. Формы. М.: Изд. ЮНИТИ, 1998. С. 147 - 152.
7. Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. М.: Изд. НОРМА, 1997. С. 191.
8. Стивен Тейман. Сделки о признании вины или сокращении формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10. С. 35 - 37.
9. Стивен Тейман. Указ. работа. С. 35.
10. Reference of the U. S Justice Department. Washington. D. C. 20530.
11. Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. М.: Изд. НОРМА, 1997. С. 283.
12. Фойницкий И. Я. Указ. работа. Т. 2. С. 27.
13. Шадрин В. С. Указ. работа. С. 97.
14. См. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Проект. М., 1997. С. 31.
15. Указ. проект. С. 26.